

ИСТОРИЯ ЕВАНГЕЛЬСКАЯ

И

ЦЕРКВИ АПОСТОЛЬСКОЙ.

Академическія лекціи
А. В. Горскаго.

МОСКВА.
Типографія М. Н. Лаврова и Б°, Леонтьевскій пер., свой домъ.
1883.

Печатано по опредѣленію Совѣта Московской Духовной Акаде-
міи. Марта 8 дня 1883 года ..

Академіи Ректоръ, Протоіерей *С. Смирновъ*.

Предлагаемыя вниманію читателей лекціи
А. В. Горскаго по Евангельской исторіи и по ист-
торіи Церкви Апостольской, читанныя студен-
тамъ Московской Духовной Академіи съ девятаго
до двадцать третьяго курса (1833—1862), на
печатаны съ его записокъ, писанныхъ имъ
собственноручно. При этомъ Редакція имѣла
подъ руками два разновременные списка его
лекцій, записанныхъ студентами Академіи, изъ
которыхъ одинъ принадлежитъ родственнику
А. В. Горскаго, протоіерею Московской Троиц-
кой, на Грязяхъ, церкви, А. К. Соколову,
другой—архимандриту Соловецкаго монасты-
ря Мелетію, пріобрѣтшему экземпляръ лекцій
отъ студентовъ Академіи. Отзывъ о характерѣ
и достоинствѣ лекцій А. В. Горскаго смотр.
въ Исторіи Московской Духовной Академіи,
С. Смирнова, стр. 36—42.

2-14-62-19 A 2

Евангельская исторія.

(Академическія лекціи А. В. Горскаго *).

Начало величайшихъ событій, которыя въ послѣдствіи были столько важны для цѣлаго человѣчества, мы находимъ по большей части скрытымъ въ тѣни частной жизни, среди немногихъ лицъ, въ домашнемъ кругу. Провидѣніе prepares и устрояетъ свои важнѣйшія дѣла какъ будто нарочно втайнѣ, сокровенно. Иудейская исторія того времени, о которомъ мы говоримъ, оставленная намъ знаменитымъ писателемъ этого народа, едва содержитъ въ себѣ нѣсколько словъ о Мессіи; великую эпоху его рожденія, подробности его жизни и дѣяній—она проходитъ молчаніемъ: непоказываетъ намъ въ концѣ правленія Ирода великаго ничего, кромѣ насилій и возмущеній. При его дворѣ и въ его царствѣ происходятъ такіе безпорядки, какихъ только можно ожидать въ государствѣ съ одной стороны отъ корыстолюбія правителя, его подозрительности и рабскаго желанія какимъ бы то ни было образомъ удержаться въ благоволеніи сильной Имперіи, а съ другой—отъ недовольства подданныхъ его правленіемъ, и часто непредусмотрительной ревности сохранить остальные права свои отъ притязаній той чуждой Имперіи. Однако сколько ни желалъ народъ освободиться отъ ненавистнаго государя, но никакъ нельзя было ожидать, чтобы чрезъ

*) По подлинникамъ, собственноручнымъ его запискамъ.

то сколько нибудь улучшилось внутреннее или ви́шнее его состояніе: внутреннее—потому что религія и нравы были въ упадкѣ; ви́шнее—потому что и сынъ Иродовъ мало подавалъ добрыхъ надеждъ, и Римляне уже такія присвоили себѣ права надъ дѣлами этого народа, что поздно было думать объ ограниченіи ихъ власти и пресѣченіи новыхъ покушеній и вмѣшательствъ.

Въ такомъ положеніи находилось царство іудейское въ то время, когда въ одномъ уголкѣ этой земли случились тѣ событія, коими начинаютъ свою исторію дѣйствители—событія, въ которыхъ легко усматривалось присутствіе и содѣйствіе Божіе, но которыя въ такія безпокойныя времена какъ бы затерялись между народными волненіями и сначала только тамъ и здѣсь возбуждали молву, которая однакоже скоро должна была смолкнуть. Правда, всѣ вообще обращали тогда вниманіе на то, когда и гдѣ должно явиться обѣщанное отцамъ лице; и смотря по тому, какъ тѣ древнія пророчества, которыя относились до сего лица, болѣе или менѣе были изслѣдываемы, и образный языкъ, которымъ онѣ выражены, болѣе или менѣе былъ понятимъ, были и сія ожиданія болѣе или менѣе справедливы. Но какъ часто бываетъ съ человѣческими ожиданіями, что люди, напередъ составивъ себѣ образъ желаемой вещи, украшаютъ его по своему вкусу дотолѣ, доколѣ онъ не будетъ соотвѣтствовать вполнѣ ихъ желанію; а потомъ смотрятъ вокругъ себя, гдѣ бы найти что нибудь подобное своему образу,—и отъ того самую вещь, хотя бы она дѣйствительно явилась, не примѣчаютъ: такъ случилось и съ этимъ народомъ, даже съ лучшемъ его частію при ожиданіи Мессіи. Среди непрестанныхъ волненій и переворотовъ, въ спорѣ интересовъ враждующихъ партій, Іудеи составили себѣ понятіе о Ве-

ликомъ Царѣ, которое совмѣщало въ себѣ именно то,—и ничего другаго, кромѣ того,—чего требовали нужды государственныя, а эти нужды требовали освободителя отъ римскаго ига и отъ туземныхъ угнетателей. Это было одно изъ самыхъ сильныхъ желаній въ особенности у Іудеевъ, жившихъ въ Палестинѣ; и хотя встрѣчались по мѣстамъ люди, которые привязаны были сердечно къ религіи, потому и Мессію представляли себѣ не только какъ освободителя отъ угнетеній, но и какъ исправителя религіи; но кто былъ слишкомъ чувствителенъ для того, чтобы желать и ожидать исправленія нравовъ и религіи, тому царство Мессіи представлялось только какъ царство чувственнаго наслажденія—или въ смыслѣ саддукеевъ т. е. безъ отношенія къ будущей жизни, или въ смыслѣ фарисеевъ т. е. такъ что понятіе объ этомъ царствѣ хотя и обнимало собою будущее состояніе, но притомъ болѣе ласкало народной гордости, нежели было сообразно съ истинными его потребностями; это царство должно было быть только для Израиля. Кратко: для каждаго царство Мессіи значило то, что было всего согласнѣе съ его желаніями и потребностями.

Исторія младенчества Іисуса Христа, въ началѣ сколько можно сокровенная, но потомъ возвышенная св. евангелистами цѣлому міру, есть необходимое и достойное своей цѣли вступленіе въ исторію общественнаго служенія Іисуса Христа. Примѣръ евангелистовъ Марка и Іоанна показываетъ, что она могла не быть столько важною для частныхъ цѣлей благовѣствователей, какъ послѣдняя исторія. Могъ и самъ Господь нашъ по своимъ причинамъ молчать о ней тогда, когда невѣріе іудейское не хотѣло въ немъ признать ничего болѣе, кромѣ сына Іосифова: но въ полномъ составѣ исторіи откровенія всемірнаго цар-

ства Божія необходимо было, чтобы хотя нѣсколько было пролито свѣта и на первые дни божественнаго его Основателя. Безъ того, въ какомъ мракѣ представлялся бы намъ первый естественный вопросъ въ исторіи евангельской, какъ и откуда произошелъ божественный нашъ Спаситель? Далѣе исторія младенчества Іисуса Христа открываетъ намъ планъ первыхъ предначертаній Промысла, которыми должно было начаться великое дѣло Сына Божія; показываетъ первыхъ лицъ удостоенныхъ въ немъ участія;—средства, которыми они были къ тому приготовлены;—основанія, на коихъ опиралась ихъ увѣренность, когда они дѣйствовали въ пользу Іисуса. Соображеніе этихъ предначертаній необходимо сообщаетъ болѣе ясности исторіи служенія Іисуса Христа. Въ нихъ отразился духъ церкви ветхозавѣтной съ своимъ приготовительнымъ вліяніемъ на сердца людей въ чертахъ самыхъ возвышеннѣйшихъ. Цѣлая исторія жизни Іисуса Христа не показываетъ намъ такихъ высокихъ людей между учителями закона, какіе представляются на многихъ страницахъ исторіи младенчества Іисуса Христа. И одними этими страницами успокоивается возбужденная невѣріемъ и маловѣріемъ Іудеевъ, встрѣчающихся въ послѣдующей исторіи Іисуса Христа, мысль сомнѣнія,—стоило ли труда такъ много заботиться о домѣ израилювомъ, когда онъ такъ худо поналъ свое назначеніе?

Исторія младенчества Іисуса Христа преимущественно сосредоточивается въ тѣсномъ кругу потомковъ древняго царскаго дома, съ которымъ соединены были всѣ надежды народа іудейскаго, въ семействѣ Іосифа, потомка Давидова. Намъ неизлишне будетъ войти въ болѣе подробное разсмотрѣніе семейственнаго, политическаго и нравственнаго состоянія этихъ потомковъ Давидовыхъ.

Семейство потомковъ Давидовыхъ состояло во время Иисуса Христа изъ слѣдующихъ лицъ: Іосифа, Маріи, жены его ⁽¹⁾ и сестры ея, также Маріи, вѣроятно по своему мужу прозывавшейся Клеопкою ⁽²⁾ съ дѣтьми ⁽³⁾. Кромѣ того оно состояло въ родствѣ съ домою одного благочестиваго священника Захаріи: Марія Іосифова и Елизавета, жена Захаріи, были между собою родственницы ⁽⁴⁾.

Домъ Давидовъ, котораго мы имѣемъ двѣ родовыя линіи, идущія до Иисуса Христа—одна—чрезъ Соломона, другая—чрезъ другаго сына Давидова, Наована, представляется въ сіе время по внѣшнему состоянію въ самомъ уничиженномъ видѣ, по внутреннему по большой части—въ такомъ, какого могъ желать отъ него Мессія. Въ заключеніи обѣихъ родословныхъ линій у евангелистовъ стоитъ Іосифъ, мужъ Маріинъ, мнимый отецъ Иисуса Христа ⁽⁵⁾. Онъ былъ столько бѣденъ, что снискивалъ себѣ пропитаніе плотничною работою: жилъ въ Назаретѣ, одномъ не важномъ галилейскомъ городкѣ. Преданіе увѣряетъ, что онъ уже былъ въ преклонныхъ лѣтахъ въ то время, когда былъ призванъ послужить Мессіи. Сколько открываетъ намъ лице его священный Бытописатель—это былъ мужъ

(1) Мат. 1, 0.

(2) Іоан. 19, 25.

(3) Изъ четырехъ лицъ, которыя Мар. 6, 3 называются братьями Иисуса Христа, одно Мат. 10, 3 прозывается Алфеевымъ, а Алфей и Клеоп—одно наименованіе, конечно и одно лице т. е. мужъ Маріи, сестры Божіей Матери Іоан. 19, 25. Разновучіе словъ: Алфей и Клеопа зависитъ отъ разнаго греческаго произношенія одного и того же Еврейскаго слова קלופ Мар. 15, 40. Тамъ Марія называется матерью Іакова и Іосіа.

(4) Лук. 1, 36.

(5) Разности родословной Иисуса Христа—какъ она приводится у св. Маттея и Луки, съ большею вѣроятностію изъясняются изъ того предположенія, что Маттеей писалъ родословную по мнимому отцу его; Лука—по истинной его матери. Это подтверждается и тѣмъ, что въ событіяхъ рожденія и младенчества І. Христа вообще у Маттея болѣе выставляется Іосифъ, у Луки—Марія.

высокой добродѣтели. Св. Златоустый въ одномъ томъ его намѣреніи, что онъ хотѣлъ тайно пустить Марію, которую подозрѣвалъ въ преступленіи, подвергавшемъ ее законной смерти, видитъ дѣйствіе *выше закона*, предвѣщавшее къ благодати *знаменіе высоко-го житія, многое любомудріе* (на еван. Матѣ. бесѣд. 18). Онъ столько былъ добръ, что скорѣе могъ не довѣрить собственному сужденію и чувствамъ, нежели чистотѣ другаго; столько покорень волѣ Божіей, что не могъ отказываться ни отъ какихъ ея распоряженій; и понимая важность своего служенія, не смѣлъ самъ сдѣлать и шагу произвольно (Матѣ. 2, 22). Такъ какъ такое любомудріе пріобрѣтается только многолѣтними внутренними подвигами, то его характеръ въ эти годы уже могъ достигнуть полнаго своего образованія—быть всегда равнымъ; какъ низкая доля его не подавляла, такъ и высокій жребій его не долженъ былъ надмѣвать. Спокойное величіе потомка знаменитыхъ царей просіявало въ лицѣ его и въ то время, когда онъ не думалъ быть чѣмъ нибудь болѣе плотника; теперь этому величію соотвѣтствовало его особенное назначеніе—быть воспитателемъ и хранителемъ Отрочати, котораго давно желали видѣть древніе цари и патріархи. Іосифъ не измѣнить себѣ. Завидный жребій его! Для него отказались бы Давиды отъ престоловъ своихъ, Соломоны отъ всѣхъ богатствъ своихъ. Іосифъ, воспитанный въ училищѣ нищеты и униженія, не ошибется въ томъ, какъ обходиться ему съ Тѣмъ, Кто, такъ сказать, предъ глазами его сокрылъ лучи своего божественнаго величія въ такомъ униженномъ видѣ.

Другое лице въ исторіи евангельской изъ дома Давидова, которое притомъ еще болѣе обращаетъ на себя вниманіе, нежели самъ Іосифъ, есть Дѣва Марія. То, что было въ старцѣ плодомъ многихъ лѣтъ

его жизни, раскрылось быстро въ сердцѣ юной дѣвы — и еще въ большомъ блескѣ — отъ особенныхъ дѣйствій въ ней благодати. Тоже смиреніе, таже покорность распоряженіямъ божественнымъ, таже благодать сердечная: — только все глубже было основано въ сердцѣ, болѣе носило на себѣ характеръ божественнаго и все украшалось еще чистотою души дѣвственной. Такова была юная дѣва: годы общали еще болѣе украсить эту избранницу Божію. Провидѣніе всегда имѣетъ людей, которымъ сообщаетъ нарочито большую мѣру силъ, нежели другимъ, и даетъ этимъ силамъ гораздо быстрѣйшее развитіе для своихъ особенныхъ цѣлей. Но еще никогда сила нравственнаго чувства не сообщается была душѣ человѣческой въ такомъ обиліи и ни въ комъ она такъ быстро не представлялась раскрытою, какъ въ юной Маріи, истинно *благодатной* Маріи. Ея и обязанность, можетъ быть, была не та только, чтобы дать плоть Богочеловѣку, но чтобы отчасти и притомъ еще болѣе, — и долѣе — нежели Іосифъ, способствовать развитію и образованію силъ, которыя принадлежали человѣческому естеству Сына Божія и раскрывались не иначе какъ въ постепенности, не всегда путемъ вышеестественнымъ.

Какъ бы поэтому было желательно имѣть болѣе точныя свѣдѣнія о первыхъ годахъ жизни пресвятой Дѣвы!... Но жизнеописатели Іисуса Христа, занятые однимъ его лицомъ, не оставили намъ ничего собственно касающагося до его матери. Собраны были нѣкоторыми лицами, впрочемъ уже довольно отдаленными отъ временъ пресв. Дѣвы, сохранившіяся преданія о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ въ первоначальной жизни, но къ истинѣ примѣнивались вымыслы, иногда даже нелѣпыя, вообще разнорѣчащія. Мы не говоримъ уже о нѣкоторыхъ сочиненіяхъ гностическихъ,

сюда относящихся: *о рожденіи Маріи, о Маріи и ея бабкѣ*; мы укажемъ только два болѣе чистые источника преданій о Маріи, которыми, какъ кажется, пользовался и Св. Григорій Нисскій въ своемъ сочиненіи о рождествѣ Господа нашего Іисуса Христа. Это суть: *первоповѣствованіе Іакова*, и книга *о рожденіи Дѣвы*, выданная еретикомъ Селевкомъ (манихеемъ) отъ имени апостола Маттея. Если св. Григорій не имѣлъ въ виду какихъ нибудь другихъ жизнеописаній Дѣвы Маріи кромѣ сихъ; то видно, что и онъ пользовался ими съ разборомъ. Черты его исторіи Дѣвы Маріи кратко можно представить въ такомъ видѣ: отецъ Божіей Матери былъ богатый человѣкъ; его супруга была бесплодна. Долго Анна просила Бога, чтобы онъ благословилъ ея чрево; наконецъ молитва ея была услышана; она родила дочь и посвятила ея храму; жрецы воспитывали ее въ храмѣ. Когда исполнились годы ея воспитанія, они разсуждали между собою, что съ нею дѣлать,—и рѣшили отдать ее въ видѣ супруги какому нибудь престарѣлому мужу съ тѣмъ, чтобы онъ былъ хранителемъ ея дѣвства. Для сего былъ избранъ изъ той же фамиліи Іосифъ, которому она и была обручена. Эта исторія гораздо проще и вѣроятнѣе, чѣмъ тѣ, которыя находятся въ другихъ жизнеописаніяхъ.

Всѣ однакоже соглашаются 1) въ томъ, что она была плодомъ молитвъ матери и отца, не имѣвшихъ у себя долго дѣтей: въ св. исторіи — много такихъ примѣровъ, и во всѣхъ случаяхъ такого рода распоряженія Промысла имѣли предметомъ своимъ что либо особенное; 2) въ томъ, что она получила воспитаніе при храмѣ: примѣръ также не необычайный въ древности и во времена Маріи (Лук. 2, 37). Но здѣсь особенно достойно вниманія замѣчаніе одного изъ тѣхъ сказаній, что Марія была питаема въ храмѣ ангела-

ми: можетъ быть, эти слова суть не что иное, какъ образное выраженіе той же мысли, какую заключаетъ въ себѣ другое сказаніе: „Марія имѣла ежедневныя видѣнія и обращалась каждый день съ ангелами“; 3) въ томъ, что она обрекла себя всегдашнему дѣвству, не смотря на общее предубѣжденіе своихъ соотечественниковъ противъ безбрачной жизни. Эти обстоятельства дополняютъ намъ начертаніе характера Приснодѣвы и способъ его раскрытія: представляютъ намъ въ ней существо особаго рода, болѣе небесное, нежели земное—черта, которая ставитъ ее въ истинномъ свѣтѣ, въ которой нѣтъ ничего преувеличеннаго.

У Маріи, матери Господней, была сестра именемъ также Марія, вѣроятно по своему мужу прозывавшаяся Клеоповою (Іоан 19, 25), которая была матерью четырехъ извѣстныхъ въ евангельской исторіи учениковъ І. Христа: Іакова меньшаго, Іоси, Симона и Іуды, а можетъ быть еще нѣсколькихъ дочерей (Мар. 6, 3) ¹⁾. Изъ сихъ дѣтей ея намъ извѣстнѣе другихъ по частнымъ обстоятельствамъ своей жизни до призванія І. Христомъ, Іаковъ, по свидѣтельствамъ христіанскихъ писателей, назорей отъ чрева матери своей, уважаемый самыми Іудеями за свои аскетическія добродѣтели, которыхъ начало, безъ сомнѣнія, было положено еще въ его іудействѣ. Онъ не вкушалъ отъ мяса, не намащалъ тѣла своего елеемъ и въ баняхъ не мылся; колѣна его отъ частаго при-

¹⁾ Извѣстны четыре стиха, которые всю родословную дома Давида во время І. Христа представляли въ такомъ видѣ:

Anna tribus nupsit, Ioakim, Cleopha Salomeque.
Et quibus ipsa viris peperit tres Anna Marias,
Quas duxere Ioseph, Alphaeus Zebedaeusque.
Prima Iesum; Iacobum, Ioseph, cum Simone Iudam
Altera dat. Iacobum dat tertia datque Iohannem.

Но эта родословная во многомъ ничѣмъ не подтверждается.

паданія къ Богу въ молитвахъ о себѣ и за другихъ покрыты были наростами,—такъ описываетъ его трудническую жизнь Евсевій; Іеронимъ присовокупляетъ къ сему, что онъ соблюдалъ и дѣвство. Всего болѣе свидѣтельствуешь о духѣ его, впрочемъ уже просвѣтленномъ христіанствомъ, его посланіе. Мы не знаемъ, на сколько были подобны Іакову въ такомъ подвижничествѣ его братья: но все заставляетъ думать, что они не были далеки отъ него. Іуда былъ также въ числѣ апостоловъ, какъ и Іаковъ: Симонъ былъ преемникомъ Іакова въ епископствѣ іерусалимскомъ.

Семейство Іосифа находилось кромѣ того въ родственныхъ отношеніяхъ къ дому одного священника, именемъ Захаріи. Какъ близко было это родство и чрезъ кого эти два дома соединялись, неизвѣстно: только Елизавета, супруга Захаріи, была въ тѣсной связи съ Маріею.

Захарія былъ одинъ изъ тѣхъ мужей, которые при всеобщемъ упадкѣ религіи и нравовъ старались вести жизнь сколько можно безукоризненную и безпорочную; онъ исполнялъ обязанности израильтянина и въ особенности—своего званія не по одному только навыку, но со страхомъ Божиимъ. Такой мужъ тѣмъ сильнѣе долженъ былъ ощущать желаніе скорѣе видѣть Мессію, который бы все преобразилъ, который бы далъ людямъ—какъ самъ говорилъ онъ—служить Богу преподобіемъ и правдою вся дни живота. Елизавета, супруга его, происходившая также по прямой линіи отъ Аарона, была женщина извѣстнаго благочестія. Что оба супруга были происхожденія священническаго—это давало имъ нѣкоторый родъ благородства между Іудеями и, кажется, эта фамилія въ своемъ мѣстѣ пользовалась особеннымъ уваженіемъ ¹⁾). Они

¹⁾ Лук. 1, 58.

жили въ одномъ городѣ, лежавшемъ въ нагорной части колѣна Іудина ³⁾). Захаріи, для исправленія своихъ обязанностей, нужно было по временамъ отправляться въ Іерусалимъ, но нечасто—два раза въ годъ,—и не надолго—не болѣе какъ на одну недѣлю. Эта чета была уже въ преклонныхъ лѣтахъ—и не имѣла у себя дѣтей: у народа, который благодородный бракъ считалъ за особенное благословеніе Божіе,—у котораго длинныя родословныя, идущія по прямой линіи отъ Авраама чрезъ множество поколѣній, были въ великомъ уваженіи,—бездѣтство въ двойнѣ казалось огорчительнымъ. Долго оба супруга молились Господу, чтобы онъ даровалъ имъ сына: обоимъ казалось прискорбнымъ, что съ ними долженъ угаснуть свѣтъ ихъ благороднаго поколѣнія: но чѣмъ они становились старѣе; тѣмъ менѣе оставалось надежды на потомство.

Обозрѣвъ такимъ образомъ состояніе двухъ семействъ, въ которыхъ положено было первое начало событій евангельской исторіи, съ которыми тѣсно соединяется исторія младенчества Іисуса Христа, приступаемъ къ самымъ событіямъ.

Въ одинъ разъ, во время чреды служенія во храмѣ, Захарія долженъ былъ возлагать еиміамъ на алтарь кадильный. Съ горстью еиміама онъ входитъ во святилище: народъ въ это время обыкновенно совершалъ тайныя молитвы предъ Господомъ. Все дѣйствіе священника было очень непродолжительно. Но на этотъ разъ Захарія слишкомъ замедлилъ. Что было тому причиною, послѣ онъ самъ объяснилъ въ такомъ ви-

(3) Лук. 1, 33, Εἰς πόλιν Ἰούδα—по однимъ здѣсь разумѣется Хевронъ—лежавшій точно въ нагорной части Іудеи и принадлежавшій священникамъ.—По другимъ Юта близъ Хеврона; но въ такомъ случаѣ вѣроятно бы писали Ἰούδα; городъ такъ же священнической въ колѣнѣ Іудинѣ (Ис. Нав. 15, 55; 21, 16).